

И через все
это...

Анатолий Горсков

Анатолий Горсков И через все это...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70243282

SelfPub; 2024

Аннотация

Сквозь время и пространство мы пройдем с вами через весёлые восьмидесятые, лихие девяностые и ленивые нулевые. Это будут рассказы разных лет, невыдуманные истории о жизни в СССР и современной России. О том, как менялась наша страна, а вместе с ней менялись и мы. Но лучше один раз увидеть, что сто раз услышать... "И через все это..."

Содержание

Жизнь замечательных людей	4
Гриб, автобус и рюкзак	4
Хлеб – наше богатство!	14
Сказка про кОта	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анатолий Горсков

И через все это...

Посвящается моей семье и друзьям

Жизнь замечательных людей

Гриб, автобус и рюкзак

Я думаю, большинство родившихся в конце 70-х – начале 80-х с содроганием вспоминают начало 90-х годов. Мир резко поменялся, страна развалилась, друг за другом следовали катаклизмы и потрясения. Одним из последних штрихов уходящего мира была повсеместная раздача земли под садовые участки. Или, проще говоря, ДАЧИ.

Наша дача, а точнее, старый деревенский дом, рядом с которым развернулось новое строительство, оказалась в 250 км от места нашего проживания. Жила семья на юге Москвы, а дача находилась за Тверью. То есть точно по диагонали от места основного проживания. Для меня она навсегда останется Деревней, так как Дача не может находиться на таком расстоянии. Добираться до нее в начале девяностых, не имея собственного автомобиля, было занятием увлека-

тельным. Путь занимал примерно семь часов общественным транспортом. Сначала на электричке до «Трех вокзалов», далее электричкой до Твери, а оттуда рейсовым автобусом в сторону Ржева. И уж потом, выйдя из него в глуши, где-то между Тверью и Ржевом, надо было еще полтора километра отпылить по проселочной дороге до дачи. С рюкзаком за плечами, с сумками, набитыми едой, инструментом и мыслями об эмиграции или хотя бы о собственном усыновлении.

И вот однажды. В тысяча девятьсот девяносто втором году нашей эры отбываю я в деревне трудовую повинность. Стройка века, грядки, работа на благо родины. «Смены не будет! Еще немного, еще чуть-чуть, последний бой – он трудный самый! Обедать в ужин! Партия сказала «НАДО!», Родина-мать призывно машет платком! Работай, негр, – солнце еще высоко!» А в мыслях стучит только одно желание: «Хочу домой!» Как вдруг случается чудо! Почтальон приносит телеграмму от родственников. Точнее, от деда, который сообщает, что он вместе с моей теткой и ее мужем придут на дачу за грибами. Подсознание сразу подсказало мне, что срок моего пребывания на даче может сократиться на пару недель. Так в итоге и оказалось. Я был отправлен домой вместе с родственниками и стал свидетелем нескольких сцен из серии «нарочно не придумаешь». Но не будем забегать вперед.

По случаю приезда родни был организован деревенский банкет со всеми вытекающими. Стройку на время приостановили.

новили. После тяжелого похмельного утра все, за исключением мамы и младшей сестры, двинулись в лес. Год выдался грибной. Хочешь тебе – белые, хочешь – подосиновики, подберезовики, а хочешь – лисички косой коси. А если надоело, привались к дереву, у подножия которого черника или земляника, да сиди себе ягоды трескай, от комаров отмахивайся.

Дед с песней «За грибами в лес девчонки» первым углубился в предрассветный туман. И, как поется в этой песне, «как дошли до чащи леса – все поразбредлись». У каждого грибника своя методика сбора грибов. Кто-то, как отец и муж тетки, быстрыми перебежками от полянки к полянке все дальше уходил в лес. Кто-то, как мы с дедом и теткой, прочесывал периметр строгой гестаповской цепью, неторопливо и тщательно проверяя все кусты и делянки. Но все равно рано или поздно все расползаются в разные стороны. У меня, например, когда я ходил в лес один, был всегда какой-то заколдованный маршрут. Уходил я с одной стороны деревни, а приходил с другой. Наука на этот счет гласит о правиле «правой ноги», которое подразумевает то, что одна нога человека длиннее, поэтому люди в лесу ходят по кругу. Но в этот раз с нами был Дед. Наш голосащий ориентир. Дед прекрасно ориентировался в любом лесу, по компасу определяя кратчайший путь домой.

Исполнив два раза подряд первые два куплета «За грибами в лес девчонки», он с небывалой энергией перешел на

песню «На муромской дорожке». Которую из различных частей леса, ему подпевали не только мои родственники, но и неизвестные нам грибники. Меня до сих пор приводит в дикий восторг то, что две эти печальные и слезоточивые русские народные песни в исполнении деда всегда оказывались веселыми и жизнерадостными. На досуге всем рекомендую ознакомиться с текстами данных песен и узнать о той трагической бабьей доле, что в них описывается. Ну, а мы продолжим...

Самое сложное в сборе грибов – это утолить жадность грибников, которые, когда корзинка переполнена, начинают собирать их сначала в карманы, потом снимают ветровку, вяжут из нее большой узелок и складывают грибы в него. Когда уже все переполнено, прекрасное занятие – сбор грибов – превращается в муку. Во-первых, это все надо дотащить до дома, потом почистить, промыть и сварить.

Перед тем, как покинуть лес, мы сделали небольшой привал. Под покосившейся березой на платке тетки был сооружен импровизированный стол. Огурцы, черный хлеб и спирт «Рояль». Спустя каких-то три года я буду пить эту дрянь, запивая «Зуко», на полигоне «Чкаловский» и думать, что я так же крут, как мощнейший коктейль в моем стакане. Выкушав половину, родня с воодушевлением устремилась прочь из леса. Я думаю, не надо говорить, что дед затянул новую песню. И вот под завывания «Хасбулат удалой, бедна сакля твоя» наш отряд бодрым маршем устремился к дому.

Мама, встретившая нас на пороге избы, держа в одной руке двухлетнюю дочь, а в другой половник, при виде грибов моментально отступила в сени и оттуда посоветовала нам самим сделать с грибами все, что заблагорассудится. Отец где-то в сарае нашел огромный железный чан, который был установлен на мангал из кирпичей, и быстро развел костер. Грибы варились и переливались в ведра, которые сначала накрывались марлей, потом газетой, после чего все это обматывалось изолентой. Ведра в нашем доме закончились быстрее, чем вареные грибы. Что делать? Мы не привыкли отступать, тем более когда дело касается запасов на зиму! Среди всегда нужного хлама мы выудили полиэтиленовый мешок из-под сахара. Килограммов на десять. Туда и были перелиты последние два чана вареных грибов.

Утром с попутным грузовиком нас доставили на остановку ожидать рейсовый автобус в сторону Твери. Кто ездил на этих полудохлых, рычащих, того и гляди нороящих заглохнуть ЛиАЗах, меня поймет. Причем в этом раритетном ЛиАЗе вход располагался только спереди, второй двери, как у более поздних моделей, у него не было в принципе. И вот подъезжает желтый, с вечно обиженным видом, потрепанный жизнью автобус, и мы понимаем, что шоу «Воскресенье. Дачники табунами двинулись по домам» началось. Я не знаю, сколько человек по технике безопасности должно входить в этот автобус, но, по всем моим воспоминаниям, людей там всегда насчитывалось намного больше нормы. Он даже

подъезжал, накренившись на правый бок, где была входная дверь.

Едва открылась дверь, вся остановка, как по команде, ринулась на штурм. Тут напрочь отсутствовали какие-либо правила – кто успел, тот и сел. Активно работали локти, ноги, обязательно сбоку протискивалась чья-то голова. Обычно побеждает право сильнейшего или, как в нашем случае, объединенная единой целью группа людей. Муж тетки с рюкзаком, в котором уютно плескались грибы, шел первым. За ним мы с теткой, дед составлял арьергард. Упершись в меня, он громко орал, чтобы пропустили пенсионера с ребенком. Прорвавшись в автобус, мы практически сразу уткнулись в живую массу, столпившуюся в проходе. Автобус был переполнен. Думаете, он поехал? Но как? Если на подножке стоят, ухватившись за поручень, люди. Они продолжают вклиниваться, хватаясь за двери, за чью-то одежду, за чужие сумки. Наконец двери, скрипя, закрываются, вдавливая счастливых внутрь салона. И автобус, чихая и фыркая, медленно трогается. Самое страшное в том, что и на других остановках этот старый автобус тоже ждут и там ведь кто-то будет обязательно втискиваться! Но нам уже повезло. Мы внутри автобуса, и на ближайший час надо как-то обустроиться. Но тут выяснилось, что плотность людей на один квадратный сантиметр такая, что можно было только поставить ведра на пол. Мне и тетке удалось снять и примостить рядом рюкзаки, а вот ее мужу и деду пришлось стоять с ними. Дед, извернув-

шись, пристроил рюкзак на подголовье чьего-то сидения. А на все протесты через плечо отвечал, что он «рад бы убрать рюкзак, но не повернуться... и вообще тут не такси».

Так с легким переругиванием, в тесноте, жаре и духоте наш автобус, скрипя рессорами и покашливая, продолжал пыхтеть в сторону Твери. Кто-то спал, кто-то читал «Сельскую жизнь», наша компания помалкивала. Только Дед, которому общение было жизненно необходимо, сначала уточнил результаты прошедшего тура чемпионата России по футболу, поматерил с кем-то правительство Гайдара, выпытал у какого-то грибника все его заветные деланки с белыми и в принципе пребывал в благодушном настроении, пока не произошло следующее. Муж тетки, который стоя мирно дремал, вздрогнул и через плечо, так как он, зажатый со всех сторон, не мог повернуться, неожиданно спросил тетю:

– Лен, ты что там разлила?

Этот вопрос полностью дезориентировал тетку и ввел ее в состояние легкой паники.

– В смысле? Я ничего не разливала!

– Что она могла разлить? – моментально вклинился в разговор Дед. – Молоко же у меня в сумке, а я ее на пол пристроил и ногой держу!

– Да при чем тут молоко? – с нотками раздражения в голосе, пробасил муж тети. – Мне кажется, у меня по ноге что-то течет!

После этого сообщения весь автобус затих и превратился

в слух, взоры пассажиров сосредоточились на нас. Тетка с трудом через чей-то баул попыталась дотянуться до мужа. Тем временем дед не унимался:

– Да, ладно тебе, напридумывал, показалось!

– Мне, б***ь, не показалось! – заорал муж тети в ответ. –

У меня уже по штанам что-то течет!

Новость вызвала в автобусе оживление. Некоторые ретивые граждане даже слегка привстали на сиденьях в попытке разглядеть, что происходит.

– Что у тебя там может течь? – не понимал дед. – У тебя же там грибы!

– Ва-ашу мать, это же грибы текут!

– Так они же... в пакете, – уже как-то тихо пробурчал дед и осторожно отодвинулся от мужа тети.

Тетя наконец-то прорвалась к рюкзаку и подтвердила догадку. По брезентовой ветровке и штанам дядьки тонкой струйкой через набухшее черное мокрое пятно на рюкзаке струилась плотная грязно-серая масса. «Виновника торжества» мгновенно прорвало:

– Да видел я этот край земли в..., да засуньте туда же себе ваши грибы, а видел я их вместе с вами в..., да пошли бы они вместе со всем этим автобусом на...

Тетка под этот аккомпанемент вытащила из своей сумки платок и попыталась протереть им брюки, но, нарвавшись на новую порцию разнообразных идиоматических выражений, просто воткнула платок между рюкзаком и спиной. Течь, на-

ткнувшись на эту преграду, немного остановилась, муж тетки выдохнул, а в наступившей тишине по автобусу эхом прошелестело: «Дачники!» Так бы и продолжалось в автобусе тихое злорадство над потекшим рюкзаком, если бы не ОНИ!

Я буду всегда помнить их образ и тот позитив, который они принесли с собой. Где-то примерно через полчаса пути на глухой остановке автобус штурмом взяли две бабульки. Лет далеко за шестьдесят. Крупного телосложения, эдакие доярки из старых советских фильмов. Как водится в таких случаях, с тюками, авоськами и корзинками. И так получилось, что автобус резко стартанул и одна из них, по инерции протаранив стоявших граждан, оказалась в самом центре салона, а вторая затихла рядом с водителем. Не прошло и пяти минут, как второй наскучило одной таращиться в лобовое стекло и она на весь автобус позвала:

– Степанида, ты где?

Подруга, высовывая голову из чьей-то подмышки, громко прокряхтела:

– Я туточки, в середине автобуса застряла.

– Иди ко мне! – предложила первая бабуля и добавила: – Я тут у водителя ЯЙЦА держу!

На секунду возникла пауза, после чего автобус взорвался. Ржали все: и стар и млад. Слезы от смеха текли ручьями по лицам пассажиров. Даже Степанида, дрожа от смеха, тихо сползла вниз. Водитель, выдержав поистине мхатовскую паузу, спокойно произнес по громкоговорящей свя-

зи: «НЕ ОЩУЩАЮ!» Автобус грохотал непрекращающимся смехом вплоть до самой Твери.

09–11.2011

Хлеб – наше богатство!

«Хлеб – наше богатство!» – этот лозунг висел в нашем классе, когда я пришел учиться в школу. Потом, когда начальная школа закончилась, до самого выпускного меня преследовал транспарант, висевший в кабинете нашей классной руководительницы, учителя русского языка и литературы: «Русский язык не нуждается в том, чтобы его изучали из-под палки! В. И. Ленин». Честно могу сказать, я входил в число тех учеников, которые с этим утверждением вождя мировой революции были, мягко говоря, не согласны. Все дело в том, что во втором классе наш год попал на программу по обучению «скорописи». Научить-то нас быстро писать научили, а вот с грамотностью и пунктуацией вышла промашка. Кроме того, не каждому учителю было дано разобрать наши каракули. Доходило до смешного:

– Петров, ты как слово «синий» написал с одной или двумя буквами «Н»?

– Не помню, Марь Иванна...

– Не помнишь – значит, не знаешь! Тебе «два», Петров, за диктант! Разобрать твои каракули невозможно, а что возможно на «три» не тянет.

Вот так мы и учились, сначала нас учили одному, потом пытались быстро переучить по-другому. Когда-то мы были октябрятами-пионерами и верили, что еще год-два –

и во всем мире победит коммунизм. Носили светлый образ дедушки Ленина на своей груди, протирали пионерские и октябрятские звездочки, а потом мы узнали, что не так уж прост был этот старикан с хитрым прищуром, пристально глядевший на нас с портрета в библиотеке, учительской, актовом зале, пионерском уголке, а также самом неприятном месте для любого ученика – в кабинете директора школы. Тот, кто носил звездочки на груди, меня поймет, а кто не успел, возможно, откроет для себя что-то новое в этом небольшом лирическом отступлении.

Как я уже говорил выше, «Хлеб – наше богатство!» висел аккуратно над классной доской. Конечно, когда я в первый раз вошел в класс с гладиолусами наперевес, остриженный по последней моде, как еще полтора десятка моих соплеменников в темно-синей школьной форме, – я еще мало себе представлял, что же там пишут на плакатах, хотя читать по слогам уже немного умел. Но все равно не мог взять в толк, а почему хлеб – богатство? Хотя, честно говоря, в тот момент меня это мало волновало, главное было, когда запустят в класс не сесть с девчонкой! Это же позор какой! Все ребята друг с другом, а я?.. А я сел на последнюю парту с девчонкой, которую знал еще с детского сада.

Анечка Соломина – моя первая любовь с первого класса и вплоть до конца начальной школы. Когда из построенного микрорайона пришло много новичков и вместо того, чтобы из них составить новый четвертый «В», классы взяли и пере-

мешали между собой. Так я остался в «Б», а Аня попала как раз в «В», на этом наша любовь увяла, у меня появились новые возлюбленные, по которым я тихонько вздыхал в уголке, у нее новые ухажеры. Многие из них выражали свое расположение к ней, повисая на косах или шарахая портфелем по затылку в ожидании, что она схватит свой ранец и погонится за «кавалером» по коридору. Так вот, когда я смирился с долей ущербного оттого, что мне придется сидеть с девчонкой, начался первый урок, по традиции тех лет, это был «Урок мира»...

А надо сказать без ложной скромности, что «Урок мира» – это всегда был мой маленький звездный час. Обычно учительница задавала нам какие-нибудь вопросы по истории нашей родины. А родители, пока я не научился читать, часто читали мне книги о великих полководцах и сражениях. И все эти события оседали в моей голове, поэтому я сразу мог назвать, кто, где и когда воевал. Однажды даже произошла довольно комичная ситуация. Случилось это уже в том классе, где «русский язык изучали не из-под палки». Классная руководительница, рассказывая о столице нашей родины, обмолвилась, что «Москва, спаленная пожаром, – французам отдана» была захвачена всего один раз противным Наполеоном Бонапартом и больше никогда нога вражеского солдата ни до, ни после не топтала землю столицы своим грязным сапогом. Вот тут-то моя рука сама собой предательски потянулась вверх с предпоследней парты среднего ряда.

– Да. Мальчик, извини, не помню, как тебя зовут?..

– Толя Горсков.

– Что, Толя, ты хотел сказать? – умильно, сложив руки на животе, спросила классная.

– Я, – запинаясь пролепетал я, – хотел сказать, что Москва... Я в книжках читал исторических, была захвачена еще Батыем – это хан такой татаро-монгольский – и при Лжедмитрии Первом поляками...

Сказал и как-то подсознательно понял, что теперь я для классной руководительницы «враг номер один». Она покраснела, смутилась и знаком попросила меня сесть. После чего сбивчиво объяснила, что я не так понял написанное в этих исторических книжках. Во-первых, Батый сжег Москву тогда, когда она была так себе, не то деревня, не то городок провинциальный. А вот при Лжедмитрии вообще во всем виноваты попы – это они, «черные душонки», его в Кремль пустили и ворота врагам распахнули: «Заходите, гости дорогие! Чем богаты – тем и рады».

Но на том первом в моей жизни «Уроке мира» классная руководительница, учительница первая моя, после того как представилась, познакомилась с нами, поднимая нас в алфавитном порядке, достала из папки фотографию и стала нам рассказывать про изображенного на ней человека, который был многим из нас знаком по рассказам воспитательниц детского сада, а также родителей. Она стала рассказывать про дедушку Ленина, любившего детей, крестьян, которым он

подарил землю, рабочих, которым он подарил заводы, матросов, которым он подарил воду. После чего рассказала о нашей великой и непобедимой родине СССР. Союзе Советских Социалистических Республик. Который по мере возможности борется за мир во всем мире с врагами и империалистами.

Мы, конечно, с трудом себе представляли, как выглядит злобный империалист, но, судя по рисункам в газете «Правда», это был такой прикольный дядька в сюртуке с козлиной бородкой, в цилиндре и с когтями вместо пальцев.

После подробного перечисления всех пятнадцати республик, входивших на тот момент в состав СССР, учительница взяла указку, показала ею на лозунг «Хлеб – наше богатство!» и по слогам прочитала нам, что было написано. Рассказала, что до революции хлеба в стране на всех не хватало, а в гражданскую войну, когда все ушли воевать и не могли пахать землю и выращивать зерно, в стране разразился страшный голод. И наша молодая республика решила покупать хлеб за границей, но злые буржуины согласились продавать хлеб только за золото. Вот как он тогда ценился! Она рассказала нам, как его сеют и собирают, как пекут. О том, что наша страна занимает первое место в мире по сбору пшеницы и поэтому помогает странам голодной Африки. Поэтому хлеб – наше богатство.

И все равно я не мог понять, почему же хлеб – богатство? Ведь бабушка читала мне на ночь сказки «Волшебник изу-

мрудного города», «Иван-царевич и серый волк», «Али-Баба и сорок разбойников» и много других, а там по всему выходило, что богатство – это сундук! На худой конец горшок или мешок. А в нем камни – самоцветы, золото в слитках или монетах, преимущественно пиастрах, кольца, жемчуг... но ни слова про хлеб!

До того момента, когда мне на собственном опыте удалось убедиться, что хлеб – наше богатство, а богатство, как известно, не бывает без крови, оставалось месяца эдак полтора-два. Произошло это за две недели до принятия нас в октябрюта. В тот день мы разучивали в актовом зале песню «Орленок! Орленок! Взлети выше солнца, и степи собой освети!», этой песней мы должны были отблагодарить пионеров, которые будут нас принимать в октябрюта. За ними, кстати, мы подглядывали, выбегая на переменах на улицу и через окна актового зала. Там двое барабанщиков выступивали дробь, а две девушки, вскинув руки в пионерском салюте, сопровождали мальчика, выносившего знамя. Мы с нетерпением ждали этого дня. Так вот, после того, как учительница пения устала бороться с нашим нестройным хором, в котором каждый из нас пытался петь громче своего соседа, из-за чего мы в конечном счете срывались на крик, нас отправили в столовую на обед. Столовая состояла из двух смежных залов, в которых стояли длинные столы и вечно царил полумрак. Нас посадили за один стол, и пионеры, дежурившие в тот день в столовой, прижимая к фартукам подно-

сы с хлебом, начали обносить каждого из нас, выдавая по кусочку черного хлеба.

Мне тоже довелось побывать дежурным по столовой, это когда выпадает твоя очередь и ты с еще тремя одноклассниками на целый день снимаешься с уроков и трудишься на благо школы. Моешь полы, посуду, разносишь для младших классов обеды, уворачиваясь с подносом от подножек старшеклассников, убираешь со столов, опять все моешь, трешь, скоблишь, а потом уже получаешь свою пайку. И сидишь, усталый и замученный, поздно вечером в пустой столовой и молча ешь, раздумывая о том, успеешь ты сделать уроки на завтра или придется косить на дежурство?

И вот наша галдящая масса, рассевшись за столом, корчила друг другу рожи, стучала вилками и ложками по столу, ожидая первого блюда. Я сидел у самой стены и в ожидании супа молча жевал кусок хлеба. По соседству со мной расположилась легендарная троица нашего класса, страх наших девочек, головная боль нашей классной и опасное соседство для тихих учеников, к коим относился и я. Три маленьких головореза, задиры и хулигана. Им всегда было весело вместе, многие из нас побывали объектами их шуток, которые нам не показались веселыми. Они не могли спокойно сидеть: бузили, толкались, шумели и пытались задеть девочек, сидевших напротив них. В конце концов показывать языки и обзывать им показалось мало, и кто-то из них, раскрошив свой хлеб, кинул им в девчонку напротив. За ним последова-

ли и остальные, хлеб крошился, комкался и кидался в цель. И вот неожиданно кто-то попал в глаз Наташе Велесовой. Я однажды слышал, как гудит пожарная сирена, но Наташа превзошла ее на порядок. Она закрыла глаза, открыла рот, и столовую огласил рев. Из кухни выскочила классная и побежала к ней:

– Наташенька, солнышко, что случилось? Тебя кто-то обидел?

– Да!

– Кто он? И что он сделал? – учительница наклонилась над девочкой и, достав носовой платок, пыталась утереть ей слезы.

– Он, он, – захлебываясь рыданиями, произнесла Велесова, – он хлебом в меня кидался и в глаз попал!

– Хлебом? – голос классной окаменел, наша половина стола сразу притихла. – Кто хлебом кидался? – затрясла она Наташу за плечо.

– О... Он! – выдавила, обливаясь слезами, но уже немного успокоившись, Наташа Велесова и показала... на меня.

Я застыл с ложкой, поднесенной ко рту. Мне только что принесли суп. В голове пронеслось: «Я?» А тут и ее подружки хором закричали «Он, он!» и стали тыкать в меня пальцем. Классная рывком обогнула стол и подлетела ко мне. Я инстинктивно вжал голову в плечи.

– Ты, ты, ах ты маленький... гаденыш! – вдруг закричала учительница. – С виду такой тихоня, а хлебом кидаешься, а

солдатам там, на войне, есть нечего, а ты, уродец, им тут в людей швыряешь?! – и со всего размаху ткнула мою голову в тарелку с супом, разбив ее.

Это мне потом рассказали. Так как у меня все поплыло перед глазами, а лицо пронзила острая боль, соленый привкус на губах дополнил картину. На брюки полилось что-то горячее. К классной кинулись поварахи и другая учительница младших классов, меня схватили, куда-то повели, раздевая на ходу, помню, что на лицо хлынула холодная воды, я слышал, как знакомый голос то извинялся, то снова называл меня какими-то странными словами, потом меня опять куда-то повели. Голову зачем-то запрокинули назад. Когда я немного пришел в себя, понял, что сижу в трусах и майке в медпункте с засунутой в нос ватой. Рядом на стуле сидела классная и тихо плакала, медсестра в белом халате совала ей под нос какой-то пузырек. Я ничего не понимал. Тут вошла нянечка и принесла мою одежду:

– Погладила, почти высохло, а кровь отстирала. Одевайся давай! – последние слова были обращены ко мне.

Классная руководительница посмотрела на меня с немым укором и молча вышла из медпункта. Я с трудом оделся, нос и лоб болели. Вату мне разрешили достать, я посмотрел в зеркало, на лбу красовалась здоровенная шишка.

– Эх ты! – вдруг произнесла медсестра. – В девочку хлебом швыряешься! Учительницу до слез довел! Тебя родители не учили, что девочек и женщин обижать нельзя?

Я покраснел и промолчал, попытался сделать шаг, меня покачнуло.

– Так, сядь пока посиди! – остановила меня медсестра. – Петровна, сходи к ним скажи, чтоб его кто-нибудь до дому довел, а то, вишь, его штормит пока.

Нянечка ушла. Через какое-то время дверь с шумом распахнулась, и в кабинет ввалилась троица наших хулиганов, по вине которых я и пребывал в медпункте.

– Здравствуйте, а это мы Толю домой отведем. Мы живем рядом, нас учительница отпустила! – наперебой кричали они.

Тут я заметил у них в руках мою куртку, шапку, рюкзак и мешочек со сменной обувью с вышитой на нем надписью «Толя Горсков 1 «Б». Меня одели, переобули, и мы вышли из медпункта. Но тут нас неожиданно остановила классная руководительница, державшая за руку Наташу Велесову. Я внутренне сжался. Наташа со страхом разглядывала меня и как мне показалась, пыталась спрятаться за учительницу.

– Толя, – неожиданно произнесла классная, – ты должен извиниться перед Наташей! Давай! Мы ждем!

Я молча стоял и смотрел на Наташу сквозь мой распухший нос и не мог понять, почему она сказала неправду? Это же нечестно! Ее обидел не я, а так называемые мои друзья, стоявшие у меня за спиной. Может, она их просто боялась и не хотела связываться? Боялась, что они ее побьют потом где-нибудь? А я ее не трогал и вообще был одним из самых

тихих учеников в классе.

– Мы ждем! – голос учительницы вывел меня из задумчивости.

Я посмотрел на Наташу, она опустила глаза.

– Извини... – тихо произнес я.

– Пожалуйста... – поправила классная.

– Пожалуйста, – нехотя повторил я.

– А теперь все вместе повтори, – потребовала учительница и подсказала: – Наташа...

– Наташа, извини меня, пожалуйста, – опустив глаза в пол, сказал я.

– Прощаю! – Наташа улыбнулась и кивнула.

Классная руководительница удовлетворенно хмыкнула и обратилась к стоявшей позади меня троице:

– Ребята, проводите его домой, пожалуйста! Хорошо?

– Да! – закричали они. – Мы же Толины лучшие друзья!

Я вздрогнул от этих слов.

И вот ведь какая ирония! Со временем мы действительно подружились. А вот судьба их сложилась по-разному. Один, с трудом доучившись с нами до девятого класса, ушел в ПТУ, а потом в середине лихих девяностых сгинул где-то в бандитских разборках. А с двумя остальными я вместе учился до самого выпускного и приятельствую до сих пор. Один пошел в милиционеры, дослужился до майорской звезды, потом чего-то не поделил с руководством, ушел со службы, стал адвокатом. А другой после окончания института за-

гремел на два года лейтенантом, к счастью для своей молодой жены чудесным образом избежал отправки на Северный Кавказ и в данный момент является счастливым обладателем сына и дочери, вместе с отцом содержит свой маленький строительный бизнес.

А тогда эта троица провожала меня домой.

– А ты молодец, – сказал будущий бандит, – не выдал нас. Не наябедничал!

– А ты родителям про училку расскажешь? – поинтересовался будущий отец семейства.

Я пожал плечами и потер шишку на лбу.

– Не знаю!

– У нее горе, – неожиданно вступил в разговор будущий страж закона. – Мне мама сказала, когда пришла с родительского собрания, что у нее муж в Афганистане погиб пару недель назад... Подорожник приложи, помогает!

Мы замолчали и, пиная ногами опавшую листву, шли к моему дому. Трое сопровождающих и я с прилепленным слюнями на лоб листом подорожника. Дома я, конечно, ничего не рассказал. Мне было и учительницу жалко, и ябедничать на ребят не хотелось, как-то не по-мужски это. Так меня научил дед. На вопрос «Что случилось?» я сказал, что бегал и упал в коридоре. «Добегаешься когда-нибудь!» – укоризненно покачав головой, сказала мама.

А классной руководительнице вскоре пришлось уйти из школы по собственному желанию. В конце года на педсове-

те ей что-то не понравилось в словах директора, обращенных к ней. После чего она метнула в его голову кувшин из-под цветов, правда, в отличие от моей головы, директору повезло больше. На ее место пришла молоденькая выпускница педучилища, которая следующие два года начальной школы баловала нас как могла.

Но вернемся к нашей истории, ведь тема «Хлеб – наше богатство!» еще себя не исчерпала. Как я уже говорил, нас должны были принимать в октябрюта. Этому предшествовала целая процедура обсуждения кандидатуры. Достоин ли ты носить почетное звание «октябренок» или нет. В тот день после окончания уроков мы остались на своих местах. Учительница вызывала каждого к доске, рассказывала о нем и спрашивала нас: «Достоин он или нет?» Потом кто-нибудь говорил, что мальчик или девочка, стоявшая в тот момент у доски и дрожавшая от страха, достойна будущего звания. После чего классная предлагала нам голосовать. Мы голосовали единогласно – да!

Когда очередь дошла до моей кандидатуры, это было всего за пару дней до торжественного принятия в октябрюта и всего через полторы недели после моего купания в супе. История с хлебом была еще свежа, поэтому для меня все началось по новой. Я стоял у доски, и учительница вновь и вновь рассказывала мне, как тяжело крестьянам доставался хлеб, как люди тысячами гибли в блокадном Ленинграде, как Павлик Морозов пожертвовал собой ради того, чтобы лю-

ди узнали, что его папа спрятал в подвале мешки с мукой, не желая отдать его голодным детям Поволжья. А я так предательски поступил по отношению к самому дорогому, что есть у нас. С каждым ее словом я становился все ниже ростом, скрючившись и сгорбившись на глазах, слезы предательски потекли по щекам. Меня уже посещали мысли, что, как только меня отпустят, я пойду и утоплюсь в ближайшем пруду, чтобы смыть с себя и моих родителей пятно позора, которое падет на них, когда меня не примут в октябрята. Когда прозвучало «Кто хочет сказать, достоин ли Толя Горсков, чтобы его приняли в октябрята?», неожиданно первой поднялась и сказала, что я все-таки хороший и меня надо принять, Наташа Велесова. Не знаю, что двигало ею в тот момент. Возможно, раскаяние за то, что она навела на меня гнев учительницы. А может, что-то другое. Этого я так и не узнал.

Потом это все как-то забылось. Меня приняли в октябрята, потом в пионеры, я так же, как и все, снял пионерский галстук в начале девяностых и убрал на вечное хранение в один из домашних шкафов. Где он благополучно сгинул. Все поменялось, но одна маленькая деталь осталась с тех давних времен. Мы никогда не отрезаем хлеба больше, чем съедим, подбираем и оправляем в рот крошки, оставшиеся от него, вызывая этим недоумение посторонних. Когда хлеб черствеет или покрывается плесенью, его по мере возможности не выбрасывают, делают из него гренки или используют в при-

готовлении фарша, а все потому что хлеб...

08-09.2012

Сказка про кОта

В этот раз все пошло не так: мало того, что я безбожно опаздывал на встречу с одноклассниками, так еще и чувствовал, что могу не успеть на электричку перед большим вечерним перерывом. Это грозило мне потерей нескольких часов. А если еще задуматься о потраченных за время поездки нервах, то мне стоило поторопиться. Я бежал по эскалатору вверх, параллельно пытаюсь по мобильному телефону что-то объяснить одной очаровательной барышне, неразборчиво выговаривающей о какой-то моей провинности. Я обошел на крутом вираже пару бурлаков, тянувших за собой сумки на колесах, которые, судя по их напряженным лицам, перевозили снаряды для небольшой походной пушки. Выскочил к подземным туннелям, ведущим к платформам пригородных поездов. Барышня, живущая в моем мобильном, в очередной раз прокричала в трубку о том, что я ее не слушаю и что все как всегда. Тут, я наконец сообразил, что отвечал на ее вопросы и претензии, просто кивая головой. Прямляя что-то про «нам надо увидеться и поговорить» и влетев на платформу, я поскользнулся, и упавший мобильник превратился в пазл. Электричка уже подходила к платформе. Времени на переживания о случившемся у меня не было, я быстро собрал то, что раньше называлось телефоном, и вместе с толпой пассажиров ввинтился в тамбур. В нос сра-

зу ударил душный коктейль из запахов пота, сигарет, пива. Увернувшись от не успевших выйти пассажиров, будто проходя полосу препятствий, я прошмыгнул в тамбур. Стараясь не споткнуться о сумки, удерживая равновесие, чтоб не рухнуть под ноги рвущихся в электричку соплеменников, я боком прорвался в вагон.

Я люблю ездить на электричке, несмотря на наличие машины и станции метро недалеко от дома, мне больше нравится ездить по железной дороге. Возможно, в силу привычки или потому что расписание электропоездов со всеми заменами и переносами движения давно прочно вбито в мое сознание и я всегда могу выбрать тот поезд, который мне больше подходит, рассчитать время движения, а также, что немаловажно, проехать этот сорокапятиминутный путь с комфортом, усевшись на потертое жизнью сиденье и углубившись в чтение, краем уха слушая названия станций. В поезде можно пофлиртовать глазами и улыбками с незнакомкой, можно влюбиться, разочароваться, влюбиться вновь. Один мой друг таким образом нашел в поезде свою будущую жену. А другой, пережив на глазах у любопытных пассажиров дикую сцену ревности с оплеухами и криком, стал холостым. Такие сценки, кстати, не редкость, особенно по вечерам, когда кажется, что поезд тихо тащится от станции к станции, а количество пассажиров, спешащих домой, возрастает в геометрической прогрессии. И вот под этот убаюкивающий аккомпанемент из тамбура уже слышны крики:

«Уберите ваши руки! Ну что ты тут расставился, как у себя дома? Что, места мало?» А вот и сидящая напротив тебя в купе пара, которая явно возвращается с какой-то вечеринки, сначала тихо о чем-то спорит. Потом она обиженно отворачивается к окну, а он все равно пытается ей что-то втолковать. Берет ее за руку, которую она отдергивает. Затем следует взрыв! Если, не дай Бог, они еще прихватили с собой в поезд пиво и чипсы, то спустя мгновение это все разлетается по купе, она вскакивает, начинает что-то кричать, он так же громко пытается ее утихомирить. Потом кто-нибудь из них выскакивает из купе и, расталкивая стоявших в проходе пассажиров, начинает протискиваться к выходу. А я, как и все, за этим с интересом наблюдаю.

Иногда я езжу с кем-нибудь из трех моих младших сестер, и тогда мы обычно развлекаем себя, комментируя каждое действие товарищей по несчастью, оказавшихся с нами в вагоне. Или начинается вагонный флирт.

– Брат, смотри, там слева у окна, за мужиком в шапке, молодой человек сидит! Симпотный!

– Где? Это тот, что с носом, как у орла?

– Какой?

– Да вон тот у окна!

– Да не! Тот который рядом с теткой, «СПИД-инфо» читающей!

– А! Это который ей через плечо заглядывает?

– Справа или слева?

– Слева!

– Нет, тот, который справа! Правда секси?

– Ну не знаю, по мне так не особо мачо, хотя ничего...

Или:

– Брат, ты кого там уже полчаса глазами ешь?

– Да вон, только резко не поворачивайся, там у выхода мамзель стоит, ноги из ушей, губы как у Джоли! Я прямо на грани нервного срыва.

– Та, которая у окна с сумкой красной? Да не шурься, брат!

– Да та!

– Н-да, ты бы, братец, очки надел – и... успокоишься сразу.

Вот так мы и едем: компанией и поодиночке. Дамы, усевшись на свободные места, наводят марафет. О эти шалуньи, подкрашивающие губы в переполненном вагоне! Сколько мужчин, забыв о своих проблемах, начальниках, женах, футболе, замирали, незаметно скосив взгляд на наливающиеся цветом, с зовущей к поцелую формой, губы соседки. По утрам, кстати, вполне можно увидеть барышню, несмотря на все неудобства, подкрашивающую глаза или брови. Сам ездил в институт с бывшей одноклассницей, постоянно куда-то опаздывающей. Поэтому ее запросто, можно было встретить на платформе с одним покрашенным в спешке глазом. Второй она неторопливо докрашивала в тамбуре, зажатая со всех сторон пассажирами, демонстрируя поистине акробати-

ческие способности.

Но сегодня у меня не было ни книги, ни сестер, я расположился у окна и разложил на сумке запчасти телефона. Беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: мне будет трудно собрать что-либо отдаленно напоминающее телефон. Ни перезвонить барышне, ни сообщить приятелям о своем фактическом местоположении относительно места нашей встречи. Оставшись единственным холостым в компании, мне приходилось играть по правилам своих семейных друзей и подстраиваться под их загулы, которые с каждым годом происходили все реже.

Погода за окном, по традиции, сложившейся в перволетние дни, была дождливо-зелено-серой. Зеленым были деревья и местами трава, серым все остальное.

Не прошло двух минут, как мы отъехали от Курского вокзала, и у входа в вагон столпились глашатаи.

– «Мир новостей» с программой передач на следующую неделю! Сборник сканвордов, чтоб не скучать в дороге! – пропел первый разносчик полезных вестей.

– Добрый вечер, уважаемые! – подхватил следующий, – Извиняюсь за очередное беспокойство, наступило лето, и я принес вам целую сумку разнообразных зонтов! Для маленьких и взрослых!

– А еще, – начал следующий рекламный агент, – я предлагаю вам средство от тараканов и, если вам ничего не надо, пластины от комаров!

Последним шел мужчина в ярко-красном спортивном костюме.

– Еще раз здравствуйте! Хочу обратиться к бабушкам и дедушкам, а также к присутствующим родителям! – с окающим акцентом произнес он. – Я принес механизированную игрушку – вертолет!

После этих слов мальчик лет трех дернул сидящую рядом с ним женщину за рукав:

– Мама! Хочу вертолет!

– Мама, да вы только посмотрите, какая игрушка! – продавец моментально сконцентрировал свое внимание на женщине. – И сыну вашему очень нравится! – добавил он, сверкнув золотой фиксой.

– Не надо, спасибо, – не поднимая головы, ответила она.

– Как знаете, – он ухмыльнулся и, потеряв к ней всякий интерес, поднял сумку и двинулся дальше по вагону.

– Ну купи! – мальчик ударил мать по руке и нетерпеливо подпрыгнул.

– Нет! Успокойся! Веди себя хорошо! – она резко дернула сына за рукав.

Раздался рев. Мальчишка не заплакал и не захныкал, а сразу заревел. Так, как это умеют только маленькие дети. Навзрыд, громко и пронзительно. Откинув голову, сморщившись, закрыв глаза и широко раскрыв рот, из которого, взрывая барабанные перепонки резкими режущими звуками, неслись боль, обида и непонимание.

– Прекрати сейчас же! – мать попыталась его одернуть.

Но маленький монстр уже брыкался и, отбиваясь, продолжал оглашать вагон криком. Я кинул взгляд на часы соседа, разгадывающего сканворд, оставалось ехать примерно двадцать пять минут. Из них большую часть времени мне придется провести в обществе расстроенного малыша. Поездки в электричке неплохо развивают наблюдательность, поэтому я сделал вывод, что до остановки, на которой мама с сыном покинут вагон, еще очень далеко. Я отвернулся к окну, стараясь раствориться в пролетающем мимо пейзаже, думая о чем-то своем. Эта элементарная уловка временно блокировала слух, и вопли ревущего монстра не проникали в мой мозг. Поезд отъехал от станции Перерва и медленно двигался по направлению к железнодорожному мосту через вечно серо-свинцовую Москву-реку. Он привычно притормозил при въезде на мост, мелькнула в окне сторожка охранника. Когда-то давно около нее стоял солдат с ружьем на плече. Но уже давно будка пустовала. Неожиданно вагон дернулся, раздался скрип тормозов, и поезд остановился на мосту. По ретрансляции голос машиниста попросил сохранять спокойствие, по техническим причинам движение поезда временно остановлено. От нечего делать я стал разглядывать соседний мост. С одной стороны, если ехать с Курского вокзала, слева по ходу движения уже несколько лет велась стройка. Один грузовой мост разбирали, а другой строили на наших глазах. В Москве-реке появлялись опоры, железный каркас,

на который в данный момент укладывали железнодорожное полотно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.